

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА

ХП ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР
(краткие сообщения)

Часть 1

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1977

корейским народом не могли претвориться в жизнь, а попытки подвига революционного движения в Японии на основе разжигания националистических чувств были не состоятельны.

¹ Ои Кэнтаро, Осака дзикэн дайитибан сайбансё-ни окзру бэнрон (Защитная речь на первом суде по делу о событиях в Осака), Итоя Тосио (ред.), Ои Кэнтаро-то сёки сякэй мондай (Ои Кэнтаро и проблемы общества в ранний период), Токио, 1961, с.71.

² Хирано Ёситаро, Ои Кэнтаро, Токио, 1965.

³ Накадзукэ Акира, Ои Кэнтаро рон [Об Ои Кэнтаро], "Рэкиси гаку кэнкю", 1960, № 247.

А.М.Мокеев

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ДЖУНГАРСКОГО ХАНСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ ХУП в.

В сочинении "Лунный свет - история раб-джам Зая-Пандиты",¹ написанном на калмыцком языке, имеется ряд интересных сведений по истории Джунгарского ханства во второй половине ХУП в. Однако, эти сведения до сих пор не привлекались для освещения социально-политической истории Джунгарского ханства.

Это сочинение является биографией видного деятеля ламаистской церкви Зая-Пандиты (1599-1662). Оно написано его учеником Сакбоном Раднабатором в 1690 г., который сам был непосредственным участником и очевидцем описываемых им событий, и содержит много новых сведений по религии, экономике и истории калмыков в ХУП в.

В 1653 г. умер основатель Джунгарского ханства Батур-хунтайджи. С его смертью начались новые междоусобные войны феодальных группировок, которые привели к образованию двух враждебных лагерей в Джунгарском ханстве: "правый", куда входили наследник Батура-хунтайджи Сэнгэ и его союзник, владетельный князь

хошоутов Очирту Цэцэн-хан, и "левый", в лице Абадай-тайджи, брата Очирту Цэцэн-хана, объединившего вокруг себя недовольных братьев Сэнгэ.

Несмотря на старания Зая-Пандиты и других лиц примирить враждующие стороны, кризис вылился в затяжную войну в 1661 г., в которой "левое" крыло потерпело поражение. Описывая начало этой войны, биограф Зая-Пандиты сообщает следующее: "Сражение разыгралось. На другой день Абадай откочевал и вступил в (урочище) Эмиль. В то время Абадай, пустив мародеров и разорив улус (Цэцэн-хана), считал себя победителем; (зот такое) было время".² Далее: "(тогда) хан (за Абадаем) отправил в преследование Данджин-хон-тайджи, а 10.000 отряд отпустил через Чули грабить его кочевья".³

Хотя эти отрывочные сведения еще не позволяют судить о том, кого именно подвергли ограблению войска Абадая и Цэцэн-хана, но, как мы увидим ниже, объектом грабежа и насилия, а также главной жертвой междоусобицы стал в первую очередь простой народ - рядовые кочевники. Дальнейшее обострение междоусобицы привело к убийству Сэнгэ в 1670 г. в результате заговора его старших братьев. Однако со смертью Сэнгэ борьба феодальных группировок не утихла, а наоборот, усилилась. Новым ханом стал образованный и более энергичный брат Сэнгэ Гаддан. Для укрепления центральной ханской власти он первым делом разгромил противников централизации Чохур-убаши и Очирту Цэцэн-хана. Доведенный до крайности грабительскими войнами, простой народ вышел из повиновения хану и своим феодалам. Во избежание наказания большая часть народа откочевала на Волгу и в Кукэноор.⁴ По словам автора, верным хану осталась только ламаистская церковь (курэ). Вот что он пишет: "Мы, курэ, думали, что желание большей части лам (следующее): "так как (мы) действительно ламы дорбен ойратов, то не следует различать нас, и так как для нас нет разницы в милостыне давцах, то безразлично при ком бы мы ни находились и потому остались в устье (реки) Куку-Том. Тогда Арана Дурисху, Курэд и находившийся у нас Хурулден Гурочин изменили и ушли. Часть наших шабинаров, находившаяся при них, изменив, ушла вместе с ними. В то время, хотя изменили все улусы, мы не изменили. Это первая наша верность".⁵

Как можно видеть, к восставшему народу присоединились также некоторые рядовые ламы - шабинары. В свою очередь, войско хана

принялось за усмирение забунтовавшегося народа. "Вследствие этого возникли воровство и грабежи, различные страдания: собирал подати с кибитки, требовал отдать тысячу овец Дорджи Даши, младшему брату Дарвай Зайсанга, Дорджи Думбу сто коней, одним - это, другим - то".⁶ Так характеризует действия ханских войск автор биографии Зая-Пандиты. Поэтому измученный народ, не найдя другого выхода, по инициативе ламистской церкви, которая сама боялась восстания народа, был вынужден обратиться с жалобным письмом к хану. Эта задача была поручена автору нашего источника: "Обе пансо послали меня, приказав: "Сакбон, ты поезжай и доставь письмо хану".⁷ Встревоженный недовольством народа, хан был вынужден через Сакбона отправить приказ к Данджин хон-тай-дзи, командующему войском хана, прекратить грабеж. Но "когда (Сакбон) вскоре возвратился обратно, войско, придя в движение, занималось разбоем и грабежами".⁸ И тогда терпение народа лопнуло: "В тот год дракона (1676 г.) ханская ставка зимовала на Иртыше. После (ухода) войск все восстали, не изменило только кура. Это была вторая верность"⁹ - утверждает Сакбон Раднабатор. Однако, как явствует из этого, хотя представители церкви сами и остались верными хану, но не смогли удержать народ в повиновении хану. Из этого сообщения также становится ясным тот факт, что и у кочевников главная функция основного орудия государственной власти - ханских войск заключалась в совершении насилия над рядовыми кочевниками.

Однако не только разорительные последствия междоусобных войн побудили народ к волнению. В сообщениях источника мы находим еще одну существенную причину этих волнений. Этой причиной было ухудшение экономического положения рядовых кочевников. По свидетельству источника, помимо общего налога с кибитки в пользу ханской казны, простой народ постоянно подвергался различного рода поборам со стороны хана и феодалов. Эти поборы делали в основном под видом сбора средств для поездки в Тибет знатных феодалов и для пожертвования в пользу церкви или лично для Зая-Пандиты. Однако эти феодалы не всегда использовали эти средства по назначению, а присваивали их себе. Так, например, Цэцэн-хан для своей поездки в Тибет приказал зайсанам собирать со всех откоков 10.000 меринков. Упомянутое число лошадей было собрано и отправлено в Китай для продажи. Так как его поездка не состоялась, выручку за лошадей Цэцэн-хан оставил при себе.¹⁰

В другом месте говорится, что в 1647 г. Таргун Эрдени хунтайджи, намереваясь отправиться в Тибет, собрал множество разного скота, из которого крупный рогатый скот оставил за собой, а только 600 голов овец подарил Зая-Пандите.¹¹ Подобные сведения в источнике встречаются очень часто. И если ко всему этому добавить самовольные сборы податей с кибитки и грабежи, производимые ханскими войсками, как сказано выше, то нетрудно представить, каково же было положение народа.

Поэтому у нас есть основания полагать, что эти волнения рядовых кочевников и шабинеров являлись конкретным проявлением классовой борьбы между богатыми и бедными.

Чтобы не допустить в дальнейшем подобного рода восстаний, Галдан энергично взялся за укрепление центральной ханской власти. С этой целью он издал специальный указ в 1678 г., который имел одну единственную цель — дальнейшее закрепощение рядовых скотоводов феодалом, весьма трудно осуществимую в условиях кочевого быта.¹²

Приведенные нами факты, которые имели место в процессе централизации власти в Джунгарском ханстве, показывают, что за кажущейся борьбой двух феодальных группировок за власть, в самом деле скрывалась борьба двух противоположных классов — класса рядовых скотоводов и класса феодалов. Хотя наш автор как представитель ламаистской церкви старается доказать нейтральность церкви (курэ) в отношении происходящих событий, однако эти факты также ясно указывают, что при народных волнениях феодальная верхушка церкви оставалась верным своим покровителям, а бедные ламы (шабинеры) присоединялись к восставшему народу.

¹ Лунный свет — история реб-дям Зая-Пандиты, перевод с ойретского Г.И. Румянцева. Архив востоковедов ЛО ИВ АН, р. I, оп. 3. ед. хр. 44.

² Там же, с. 49.

³ Там же, с. 50.

⁴ Там же, с. 82.

⁵ Там же, с. 82.

⁶ Там же, с. 83.

- 7 Там же, с.83.
8 Там же, с.84.
9 Там же, с.85.
10 Там же, с.17.
11 Там же, с.14.
12 К.Ф.Годстунский, Монголо-ойратские Законы 1640 г., СПб., 1880, с.58-59.

Т.П.Селиванова

ТАНТРИНЫ, ЭКАНГИ И ДАМАРЫ В КАШМИРЕ X В.

Санскритская поэма "Раджатарангини" поэта Калханы (XII в.)¹ - едва ли не единственная дошедшая до нас индийская хроника до-мусульманского периода. Она содержит историю Кашмира от легендарных времен до XII века. При этом, как всякая средневековая хроника, поэма уделяет основное внимание придворной и политической истории. Среди этих сообщений интерес вызывает характеристика некоторых общественно-политических группировок, оказывавших сильное влияние на ход политической истории Кашмира в начале X в., тем более, что сведений об этих группировках не содержит ни один известный источник.

Две из этих группировок - тантрины и эканги - впервые упоминаются в правление царицы Сугандхи примерно под 904 г.: "В это время группа пехоты-тантринов (*tantripādātī*) оформилась как объединение (*sam-hatī*) достаточно сильное, чтобы смещать или поддерживать правителей. Затем Сугандха правила два года, опираясь на экангов и при дружественном отношении тантринов" (У.248-9). О тантринах часто упоминается в связи со следующими правлениями, но самой влиятельной группировкой они, как и эканги, были в течение всего трех десятилетий.

Тантрины - воины, однако это пехотинцы особого рода, так как помимо них действуют и просто пехотинцы (*pādātī*), роль